

ПИСАТЕЛЬ ПИСЕМСКИЙ

Литературная судьба как горькая судьбина

Сергей Дмитренко

МОДНОЕ словечко «маргинальность» приходится признать ключевым в определении литературной судьбы Писемского. Он родился в 1821 году, 23 (11) марта. (Есть предположение, что Писемский был ровно на год и один день старше, — но и таковое воспринимается не разнотением в метриках, а как раз первым знаком судьбы, которая все сдвигала его то вправо, то назад, а то и вперед).

1821 год Писемскому — по тому, что он оставил, — подходит больше: в 1821 году он по рождению рядом с Некрасовым и Достоевским. Мощный триумфат: все между социумом и бездной.

И умер Писемский «неудачно». Приступ ипохондрии унес его в мир иной 21 января (2 февраля — по новому стилю) 1881 года. Здесь также замешался Достоевский. Он ушел из жизни через неделю, и только в траурных сообщениях в связи со смертью Достоевского вспомнили и о Писемском. Слеза о «двух невосполнимых потерях» была обронена.

Между тем Алексею Феофилактовичу вовсе не требуется помещения в какую бы то ни было обойму. Писемский пришел в русскую литературу не как бедный родственник, не как Иван, не помнящий родства (кто это и о ком сказал?). Он просто пришел.

ТЫСЯЧА И ОДНА ДУША

Писемский, принадлежащий к старинному, но обедневшему дворянскому роду, родился близ Чухломы, — может быть, отчасти и чухломское происхождение воспитало у Писемского потребность разделять в слове его звуковую оболочку и внутреннее содержание.

Окончив гимназию, он поступил в Московский университет, но — вновь черта судьбы! — не совсем туда, куда хотел, — вместо словесного факультета на математическое отделение факультета философского. Однако литература не уходила: одно свое сочинение Писемский показал поэту, профессору Шевыреву и заслужил похвалу: «в авторе видна большая ловкость в приемах рассказа».

Педагог не ошибся: уже в ранней повести «Тюфяк» Писемский, едва ли не первым в

русской литературе, показал парадоксальность и вместе с тем нередкость людей, «по натуре полных и между тем лишенных жизненной энергии», ни семейная, ни общественная судьба которых не задается. Показал со зрелым умением передавать мысль «не в отвлеченной форме — в виде сентенции, а в живых образах» (мнение Александра Николаевича Островского).

В 1858 году Писемский выпускает роман «Тысяча душ», где вновь налицо особая острота его мировидения. Главный герой, молодой чиновник Калинович — одна из самых любопытных фигур русской литературы: это живой тип человека государственно-го, «коронной службы». Карьерист, способный на многие неблаговидные поступки ради служебного продвижения вверх, Калинович стремится в итоге к совершенствованию системы государственного управления, к здоровому реформированию ее. Эдакий Горбачев XIX века.

А какой шедевр написал Писемский на тупиковую тему: личная жизнь чиновника! В повести «Старческий грех» он показал и доказал непредставимое, недоказуемое: и чиновники любить умеют! В отличие от злополучного Акакья Акакьевича и многих литературно-подобных, Иосаф Иосафович у Писемского не вызывает сострадательной жалости, это полнокровный человек, способный переживать самые глубокие, не поддающиеся рассудочному истолкованию чувства и страсти. После «Тысячи душ» и «совершенно романического приключения» «Старческий грех» чиновник как персонаж русской литературы окончательно обрел все возможные права, но о нем была сказана «правда без всяких прикрас».

ВНЕСЦЕНИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

Одна из лучших русских драм — «Горькая судьбина» — возникла, как нередко бывает, без каких-либо парнасских мечтаний. Служа чиновником особых поручений при костромском военном губернаторе, Писемский узнал о происшествии, которое через десять лет стало основой сюжета пьесы.

Пока крепостной Ананий Яковлев работал по оброку в Петербурге, его жена родила сына от молодого помещика Чеглова-Соковина. Ананий решает признать ребенка, но требует от Лизаветы порвать с «баринами». Однако суть конфликта не в столкновении крестьянской крови и господской. Лизавета была выдана за Анания без любви,

«по сиротству да по бедности», а Чеглова она полюбила по-настоящему, да и Чеглов, чтобы сохранить ребенка и не дать в обиду Лизавету, готов на любые уступки Ананию, согласен даже, чтобы последний стрелялся с ним на дуэли...

Главный конфликт пьесы — нравственный, он не может быть сведен только к отражению вопиющих противоречий в «крестьянско-помещичьих отношениях», как нередко толковали пьесу в советское и даже досоветское время. Писемский — теперь на драматургическом поприще — подтвердил свою, уже завоеванную репутацию писателя-психолога.

В МУТНОЙ ВОДЕ

Издательская судьба «Взбаламученного моря» драматична: это единственный роман писателя (если не считать раннего опыта — «Богатый жених»), ни разу не переиздавшийся ни в советское, ни в постсоветское время.

Писемский говорил Авдотье Панаевой, что в своих романах он «создает цельную жизнь». Однако именно это стремление художника установить истоки общественных конфликтов шестидесятых годов (событийно повествование в романе отдалено до 1843 года) было воспринято его современниками, даже теми, кто разделял его неприятие революционного радикализма, как «литературное наводнение» (Салтыков), «море безвкусыя» (Никитенко), «беспорядочность калейдоскопа» (Анненков).

Между тем во «Взбаламученном море» присутствует достаточно глубокая художественная логика, правда, вновь выраженная парадоксальным образом.

К пониманию этой логики пришел тот же Павел Анненков, отнеся «Взбаламученное море» в своем позднейшем очерке «Художник и простой человек» к «первому опыту полемики романа» в русской литературе, хотя и не смог оценить свой же подход в достаточной степени.

То, что Анненков назвал «коллекцией уродливостей эпохи», входит в широкий контекст художественной концепции этой самой эпохи, выраженной в книгах, прежде проходивших по разряду «антинигилистической» литературы, а сегодня рассматриваемых как памятники «полемической беллетристики» (также формулировка, взятая у Анненкова), романы-предупреждения о па-

губе социал-радикализма. Писемский убедительно показывает, как близок таковой к банальной уголовщине — через несколько лет этот мотив блистательно разовьет Лесков в романе «На ножах».

Побывав «антинигилистическим», «реакционным», «пасквильным антидемократическим» романом, книга Писемского ныне, наконец, может прочитываться так, как задумывал ее автор, «верной, хотя и не полной картиной нравов» — причем приобретшей за прошедшие век с третью статус одной из зачинательниц традиции русского общественного романа, причем написанной удивительным по красоте и богатству языком, причем...

Впрочем, можно уже задавать знаменитый вопрос: где взять? Увы, даже в московских библиотеках сохранились лишь единичные издания этого романа.

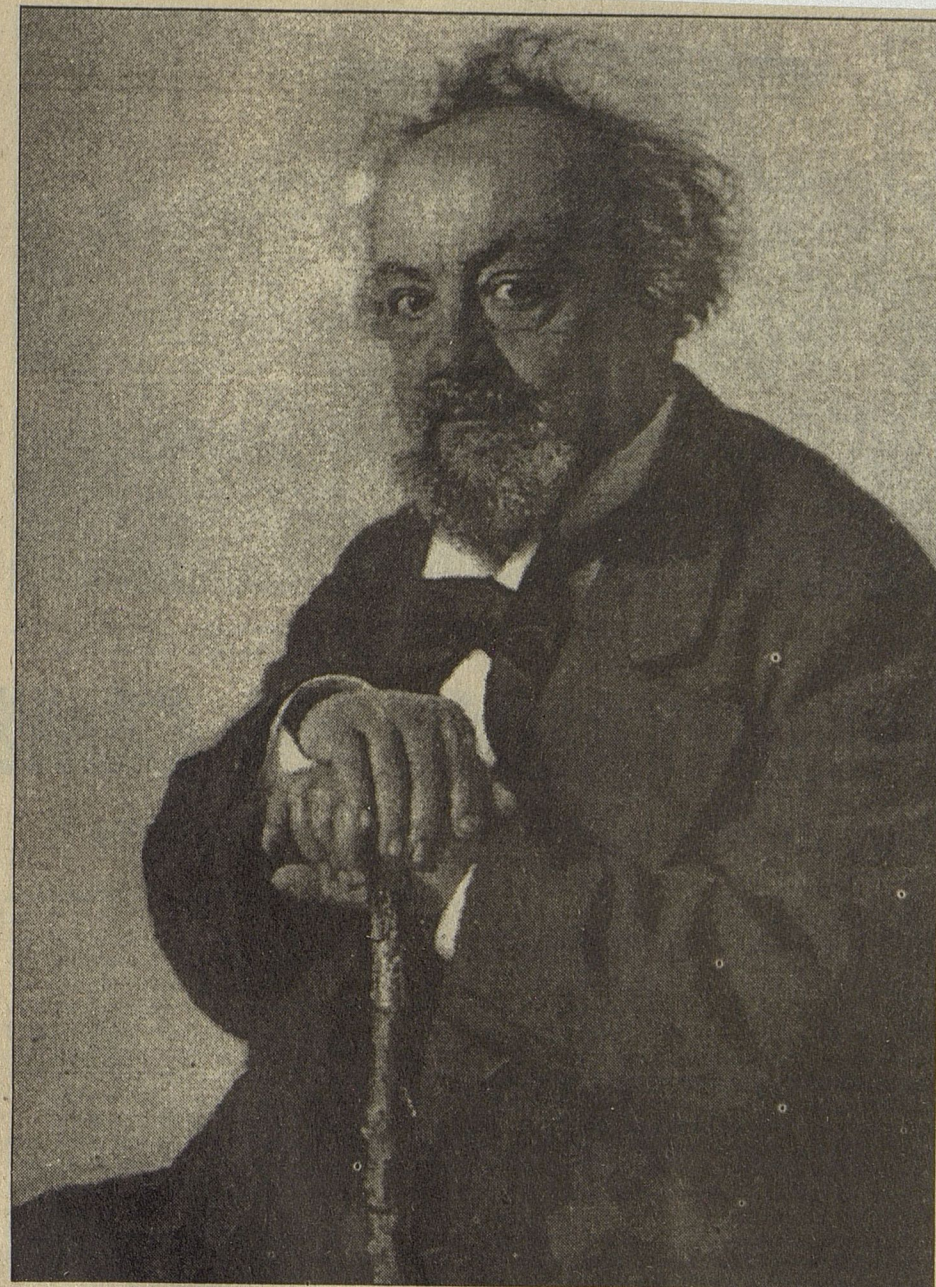
В МИРЕ, ЧТО В МОРЕ: ВСЕГО БЫВАЕТ!

У Писемского было (есть!) все, что необходимо, чтобы войти в круг литературных классиков. Его знание жизни, душевная, сердечная и литературная чуткость к превратностям человеческих судеб, непревзойденное чувство языка и умение творчески распорядиться несметными богатствами родной речи, — во всем этом он превосходит многих и многих именитых. Так что же помешало?

Может быть, нежелание заниматься саморепрезентацией — как всегда это делал Достоевский — от времени «Бедных людей» вплоть до Пушкинских торжеств 1880 года.

Может быть, брезгливое отношение к принципу: чтобы хорошо покаяться, надо крупно нагрешить; здесь равных не было Некрасову, и крокодиловы слезы «голове-за карточного стола» как драгоценный продукт невыразимой муки были собраны миссионерами уравнилельных учений в новый Грааль — печной горшок, впоследствии выяснилось, для выпаривания.

Знаток раскольников жизни, Писемский не мог позволить себе экспериментов с религией, как Лев Толстой. Старший товарищ и задушевный собеседник Лескова, он, в отличие от последнего, удерживался от экспериментов словесных — и вновь оказывался вдали от литературно-общественных страстей эпохи. Высоко ценимый Островским, автор нескольких ярких пьес, Писемский не приложил тех усилий, которые требуются от драматурга (вспомним того

Алексей Писемский. Портрет работы Ильи Репина. 1880 г.

же Островского, Чехова), чтобы вывести свое детище на достойные его подмостки. И так далее...

Тюфяк? — догадается кто-то. И ошибется. Здесь, может быть, единственный случай в истории Писемского, когда внешность слова оказалась его сутью. Фамилия. Она, по давнему еще предположению, происходит от названия костромской реки Письмы. А вот Алексей Феофилактович родился и был именно

писателем. И осознавая себя таковым, не очень заботился о дальнейшем пристройстве своих сочинений. Как у его Калиновича, у Писемского была собственная гордость. Профессиональная. Было бы написано.

Написал. И все ждет, терпеливо ждет своего читателя.

